

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

ПУТЬ В “ХАЛИФАТ”: КТО И ПОЧЕМУ УЕЗЖАЕТ ТУДА ИЗ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН СНГ?

28 января 2016 г. | Москва

Докладчик:

Ханна Нотте

аспирант Оксфордского университета, стажер
Московского Центра Карнеги и Института
Востоковедения РАН.

Факт, что так называемое «Исламское Государство» (или ДАИШ) здесь в России активно вербует новых сторонников и что, по официальным данным, уже почти 3000 граждан России уехали в Сирию, стал многообсуждаемой темой в последние месяцы. Нередко распространен миф, что все кто уехал отсюда уехал в ДАИШ, и уехал чтобы воевать. Это не так. Мало обсуждается какая ситуация, на сегодняшний день, в других странах СНГ, то есть, сколько человек, кто и почему уехал в Сирию из Центральной Азии, или Азербайджана и Грузии. В этой связи и важно понимать какие есть основные причины для разных групп из разных стран которые уезжают в Сирию. То есть, здесь много важных моментов. Я сегодня хотела бы предложить свои соображения в отношении 3 определенных вопросов:

1. Во-первых, как рекрутируют здесь вербовщики?
2. Во-вторых, какие есть причины, по которым самые разные люди уезжают в Сирию?
3. В-третьих, как оценивать деятельность правоохранительных органов и официального управления мусульман, которая нацелена на сопротивление вербовки и радикализации?

Мое исследование основано на мониторинге ресурсов ДАИШ и соцсетей, интервью с экспертами, правозащитниками и религиозными деятелями, заметках блоггеров которые специально проводят мониторинг присутствия русскоязычных добровольцев в Сирии и Ираке, и изучении материалов экспертного сообщества в СМИ.

Однако, до того, как я начну, несколько слов о том, какое количество граждан России и других стран СНГ пополнило ряды Исламского Государства и других вооруженных группировок: По последним официальным данным, в Сирию уехало 2719 россиян, в том числе 200 из Поволжья, 130 из Кабардино-Балкарии, 500 из Чечни и 643 из Дагестана. Что касается Дагестана и Чечни, есть разные данные и некоторые эксперты считают, что их намного больше. Нет точных данных о гражданах Азербайджана, воюющих в Сирии, по разным оценкам от 300 до 1500 человек, многие говорят 500. Из Грузии в Сирии сначала воевало около 170 человек, но в прошлом году их число уменьшилось до 50. Общее количество жителей государств Средней Азии составляет по оценкам спецслужб и экспертного сообщества около 2-3 тысяч. Большинство из Узбекистана и Таджикистана. Опять, есть эксперты, которые считают, что число может быть на самом деле выше.

Когда мы говорим, что люди уезжают в Сирию, необходимо определить, на чьей стороне они там воюют. В основном едет молодежь, не все в ДАИШ, кто-то в Джабхат ань-Нусра, и иногда происходит переход из одной группы в другую. Среди тех, кто уехал в Сирию есть и те, кто просто хочет там жить или работать. Есть те, кто воюют в Сирии и уже раньше воевали на Северном Кавказе, но и те, кто считают, что есть условия для вооруженного джихада в Сирии, но раньше считали джихад на Северном Кавказе нелегитимным. Дальше, не все уезжают прямо из России, но например, из Турции, где они уже жили последние годы. И не все воюющие в Сирии чеченцы обязательно являются гражданами России, это и проживающие на территории Панкисского ущелья Грузии кистинцы, и большой процент составляют и те, кто получил в Европе статус беженцев

после двух чеченских войн. Наверно, статистика все эти нюансы никогда не отражает. В таких условиях, еще важнее обсудить какие существуют «разные пути» в Сирию.

Во-первых, **какие используются методы вербовки?** На сегодняшний день, социальные сети в интернете работают в качестве современных радикальных мечетей. Как известно, вербовка в таких социальных сетях как ВКонтакте, Facebook, Одноклассники, и Твиттер играет важную роль. Есть еще русскоязычная официальная пропаганда медиа издания ДАИШ «Furat Media», приложение «Вилаят Кавказ» для Андроид, разные приложения для What's App, журнал Dabiq и радиостанция al-Bayan, на ряду с большим количеством видео материалов.

В социальных сетях, сначала исламисты стараются донести до их аудитории то, что они считают «правильной» информацией о происходящем в Сирии. И здесь возникает интересный момент: если говорить только о пропаганде ДАИШ, то в последнее время особенно важным стало создание идеального образа жизни в халифате. С чем это связано? Вербовщики понимают, что большая масса едет туда не воевать, а жить в «Исламском государстве» по шариату. Если раньше в рамках пропаганды упор делался на необходимость вести джихад, то теперь акценты сместились в сторону материальных благ.

Если рассматривать **русскоязычную пропаганду ДАИШ** в Твиттер и соцсетях, можно выделить разные категории: есть призывы посмотреть и послушать материалы ДАИШ (видео ролики, сводки новостей, нашиды или шариатские уроки). Причем, в последние месяцы появилась так называемая «речь ненависти» в отношении России в Твиттере (обычно это сообщения, что российские войска разбомбили какую-то школу или больницу в Сирии, вместе со страшными фотографиями предполагаемых жертв). Есть новости о развитии войн в Сирии и Ираке, передаваемые с позиции ДАИШ.

Но большой акцент делается на том, чтобы показать «красивую жизнь» в халифате: Фотографии, которые показывают предполагаемую экономическую активность, социальные и религиозные мероприятия, принадлежность к коллективу, как люди отмечают Ид аль Фитр, как мужахиддин заботятся о сиротах и инвалидах, непоколебимый закон и порядок – то есть, привлекательность жизни в ДАИШ с точки зрения его гражданина. Исследование показало, что на сегодняшний день, больше половины пропаганды ДАИШ направлена исключительно на **изображение гражданской жизни**, поскольку она нацелена на наращивание численности своих сторонников.

Правительства и журналисты постоянно осуждают жестокость ДАИШ, его публичные казни и пытки, которые появляются практически каждый день в его пропаганде. Проблема в том, что это затемняет наше понимание ДАИШ. На самом деле, из-за этого, не радикализованные зрители по всему миру, как правило, понимают исламское государство на основе ничтожной части его сообщений, и большая часть пропаганды остается незамеченной. Распространяется понимание что ДАИШ, это только политически иррациональное явление.

Какие проблемы стоят на пути борьбы с пропагандой и вербовкой через интернет? С одной стороны, существует проблема оперативности, поскольку силовым органам

приходится проходить формальную процедуру запрета отдельных профилей пользователей или сайтов, что занимает определенное время. С другой стороны, наблюдается постоянный рост количества соответствующих сайтов, что превращает усилия заблокировать доступ к сайтам в сизифов труд.

Еще один немаловажный момент: в последнее время наблюдается постепенное **исчезновение русскоязычных вербовщиков из соцсетей и Твиттера**, где правоохранные органы стали более активно следить за ними. Если еще несколько месяцев назад в социальных сетях велась активная вербовочная деятельность, то сейчас многие аккаунты запрещены и закрыты, или самостоятельно удалены самими пользователями из предосторожности, ввиду усиления деятельности правоохранительных органов. Некоторые эксперты считают, что другой причиной спада агитации в соцсетях могут являться человеческие потери со стороны боевиков. Но также есть свидетельства, что боевики переключились на более безопасные мессенджеры, в основном на Telegram. Telegram поддерживает секретные чаты которые используют шифрование от устройства до устройства, не оставляют следов на серверах, умеют удаляться по истечении какого-либо времени и которые нельзя переслать или перехватить, включая персоналом Telegram.

Несмотря на эффективность вербовки в соцсетях и, на сегодняшний день, через мессенджеры, исследователи считают, что интернет представляет собой лишь фон для привлечения молодежи. Основная работа по мотивационной «обработке» предполагаемого рекрута в халифат происходит через **личные контакты** – в мечетях, в общинах верующих, или даже в кафе, где дежурят внимательные экстремисты, наблюдая и выискивая сомневающихся и ищущих путь в жизни.

Важную роль в этой связи играют **лидеры, «идолы»**, которых молодежь особенно уважает. Например, молодежь в Панкиси по-прежнему почитает бывшего главу группировки «Джейш аль-Мухаджирин ва-ль-Ансар», Умара аш-Шишани, который потом перешел в ДАИШ: на половину чеченец, на половину грузин, эта полупоупендарная личность, некий символ для молодежи в Панкиси.

Часто и бывает, что те радикалы, которые уже находятся в Сирии, прямо рекрутируют их знакомых и близких из-за рубежа. Известно, например, что самые первые боевики из Центральной Азии, которые присоединились к «Джейш аль-Мухаджирин ва-ль-Ансар», это были узбеки и казахи которые уже жили в Сирии, когда там началась гражданская война, потому что они там учились в медресе.

Есть и случаи, когда боевики попадают в вооруженную группировку в Сирию через **другие радикальные структуры**. Это значит, что их прямо рекрутируют не вербовщики ДАИШ или Джабхат Ан-Нусра, но – если говорить, например, о Кыргызстане - группировки «Катибат аль-Имам Бухари» и «Жаннат Ошиклари», которые наряду с Нусра воюют в Сирии и у которых есть их рекрутеры в Турции и России.

Нельзя не упомянуть и **рекрутирование в тюрьмах**. Бывает, что в халифат отправляются исламисты, отсидевшие в российских тюрьмах, и под влиянием сокамерников-фундаменталистов становятся убежденными ваххабитами. Группы радикалов в тюрьме защищают слабых сокамерников, у которых нет «блата», и заражают их своими идеями.

Дальше, и особенно важно, когда речь идет об уроженцах из Центральной Азии, есть **рекрутирование в рамках трудовой миграции**. Записки в соцсетях и сообщения смертников, которые совершили террористические акты, свидетельствуют о том, что почти все кто уехал в халифат, уехал туда не из своей страны в Центральной Азии, а из России. Эксперт по Центральной Азии Noah Tucker считает, что около 80% боевиков из Узбекистана и Таджикистана были завербованы в России, где они побывали в качестве рабочих-мигрантов, в крупных городах как Москва, Владивосток, а также Тюмень и Ханты-Мансийск — нефтедобывающие регионы Северного Урала.

Если говорить о самых разных путях в халифат, есть и «возвращенцы» из рядов ДАИШ, которые рассказывают о том, что они поехали в Турцию потому что им обещали там работу, но обманули. Что обещали жилье, зарплату, но потом отправили в лагерь подготовки. Появилось много подобных историй за последние месяцы.

Есть и те, кто, за последние 3 года, из-за усиления репрессий в отношении к мусульманам в России, просто **уехали в Турцию**, боясь оставаться здесь. Насколько я понимаю, есть среди них люди, которые не собирались уехать в Сирию, но потом радикализировались в Турции. Поскольку официальная Анкара в начавшейся гражданской войне в Сирии не поддерживала официальный Дамаск, пересечь турецко-сирийскую границу не было трудно, по крайней мере, до прошлого года.

Иногда, в халифат вербуют сторонников в **качестве специалистов**. Например, IT-специалисты, инженеры, выпускники нефтяного университета Грозного, врачи из российских регионов, учительницы для преподавания русского языка. Любопытный пример из Тольятти, где сотрудники ФСБ недавно задержали 22-летнего мастера по единоборствам, которого завербовали боевики ДАИШ для поездки в Сирию, где он должен был обучать террористов приемам рукопашного боя.

Если резюмировать, каким образом вербовщики налаживают контакты с теми, кто подвержен вербовке, есть самые разные пути: переписки в соцсетях и личные встречи. Вербовка на месте в России и за рубежом. Вербовка со стороны знакомых и близких, со стороны каких-то лидеров, или незнакомых единомышленников в интернете.

Сейчас обсудим, какие есть причины, по которым самые разные люди уезжают в Сирию.

Исследование мотивации завербованных наглядно иллюстрирует комплекс причин возможного отъезда: низкий уровень жизни и невозможность легального заработка, разочарование во власти, высокий уровень коррупции и низкий моральный уровень некоторых представителей официальных мусульманских структур. Часто, молодые люди мечтают реализовать себя, жить по «истинному исламу», или просто защищать слабое мирное население в Сирии, восстанавливать справедливость. Причины, подталкивающие на отъезд, совсем не однородны и имеют разное значение для разных групп. Эти тонкости стоит обсудить.

Многие, особенно из Северного Кавказа, которые уехали в Сирию и уже вернулись, рассказали о том, что они хотели главным образом **защищать мирное население**.

Многим даже было не важно именно к какой группе они там присоединятся. Они считали войну в Сирии «защитным джихадом».

Войну в Сирии другие завербованные рассматривают не столько как борьбу во имя ислама, сколько как **возможность получения боевого опыта**. Именно поэтому большинство чеченских боевиков в Сирии примкнуло не к «Исламскому государству», а к другим группировкам.

Один из моих собеседников из Панкиси мне рассказал, что для многих чеченцев из Панкиси, которые уехали в Сирию, «Башар Асад как Путин»; возвращение в Россию для них невозможно, они не могут продолжать напрямую **борьбу с Россией**, где стало нельзя сражаться «за свободу чеченского народа», но они могут воевать в Сирии.

Среди боевиков в Сирии есть **ветераны** предыдущих войн: к примеру, так называемые «Партизаны Карабаха», более старшие боевики из Азербайджана которые в свое время воевали в Чечни. Другой пример, это ветераны Исламского Движения Узбекистана, которые раньше уехали, например, в Афганистан и Пакистан, но переключили внимание на войны в Ираке и Сирии. Однако, много таких старых чеченских боевиков, которые воевали за Ичкерия, в Сирию не поехали, поскольку они считают, что эта не их война.

Что касается вопроса, чем может еще являться мотивации для индивида, который радикализируется, важно и обсудить проблемы во взаимодействии правоохранительных органов с российским мусульманским сообществом. В этом контексте можно упомянуть **Дагестан**. Правозащитники делают выводы, что рост числа людей, которые за последние годы отправились воевать в Сирию, не может быть не связан с тем, как велась борьба с вооруженным подпольем, в частности перед Олимпиадой в Сочи. В это время, в рамках общей спецопераций по обеспечении безопасности игр, была внедрена практика так называемого учета ваххабитов, то есть профилактический учет лиц, которые могут быть уязвимы с точки зрения религиозного экстремизма.

Но правозащитники считают, что война с подпольем велась без каких-то правил. Что регистрация многих людей шла по внешнему признаку: мужчина с бородой, женщина в хиджабе. Что часто всех родственников брали на учет. Дальше, они критикуют что власти пытаются контролировать все происходящее в мечетях. Упоминается здесь недавний конфликт вокруг салафитской мечети на улице Котрево в Махачкале. Они предупреждают, что подобные жесткие меры приведут к росту числа молодых людей, которых будут больше привлекать радикальные группировки.

Также, эксперты упоминают невозможность вести **религиозный образ жизни** в Таджикистане. После того, как в СМИ распространилась информация о том, что глава таджикского ОМОНа Гулмурод Халимов присоединился к ДАИШ в мае прошлого года, это было использовано правительством для того, чтобы привлечь к теме ДАИШ дополнительное внимание и отреагировать на предполагаемую угрозу прямого вторжения ДАИШ в Таджикистан жестокими мерами. В этой связи, недавний запрет Партии Исламского Возрождения возможно повысит популярность группировок радикально-исламистского толка. Кроме того, совсем недавно Таджикский парламент снова обсудил законопроект, запрещающий в республике регистрацию имён, «звучащих слишком по-

арабски». В то же время Правительство Таджикистана приняло решение о том, что отныне граждане Таджикистана, не достигшие 40 лет, не могут совершать хадж.

Более того, важно обсудить, как постсоветские проекты государственного строительства в мультирелигиозных обществах могут являться причинами для недовольства или даже радикализации мусульман. В последние годы в **грузинском регионе Аджара** межрелигиозная напряженность вызвала ряд проблем. Жизнь Аджарских мусульман проходит в условиях преобладания в большинстве регионов республики православного населения. Одновременно с тем, как одни жители Аджары стали обращаться в христианство, среди других наблюдается рост значимости их мусульманской идентичности. Численность салафитов в Аджарии, которые потенциально могли бы пополнить ряды ДАИШ, пока не велика, но провокационные действия со стороны церкви, государственная поддержка православия и нежелание государства решать межрелигиозные проблемы могут иметь разрушительный эффект.

Что касается **азербайджанского населения в регионе Квемо Картли**, где за влияние на местных мусульман в основном борются Иран и Турция, также существуют проблемы, которые могут привести к дальнейшему распространению салафизма. По большому счету, Азери отрезаны от остальной части Грузии в культурном отношении, а также экономически и политически. В этом регионе, существует ряд факторов, способствующих Салафитской радикализации, которые, в свою очередь, отличаются на локальном уровне: будь то, существовали ли Салафиты уже в определенной деревне, будь то уровень социальных и финансовых проблем в отдельно взятом сообществе, или последствия миграции. Нельзя отрицать тот факт, что очень хорошо организованное, радикально-настроенное Салафитское присутствие проросло во многих сообществах Азери и эффективно выступает в качестве финансистов и вербовщиков. Салафиты, чтобы увеличить количество рекрутов, одновременно используют боязнь местного населения по отношению к Турецкому, и Иранскому влиянию, а также играют на социальных и экономических недовольствах и низком уровне интеграции в Грузинское государство. Тем не менее, нельзя сказать, что существует простая причинно-следственная связь между этими проблемами и радикализацией.

Дальше, проблемы, связанные с **духовными управлениями мусульман** могут в определенных условиях дополнительно способствовать радикализацией среди мусульман. С одной стороны, эксперты упоминают проблему низкого уровня образования имамов. С другой стороны, есть и проблема близости к местным властям: Например, Духовное управление мусульман Дагестана контролируют суфии, которые тесно сотрудничают с местной властью. Отсюда претензии к суфиям со стороны радикальной молодежи: они считают, что нельзя верить имамам, которые дружат с чиновниками.

Иногда можно слышать аргумент, что люди уехали в Сирию из-за финансовых проблем, что им там обещали хорошую зарплату, то есть, что ими двигали **чисто экономические интересы**. Согласно результатам недавнего социологического исследования по Дагестану, около 40% опрошенных полагали, что важная причина привлекательности ДАИШ связана с отсутствием возможности проявить себя, заработать и улучшить жизнь. Наверно есть отдельные случаи, когда человек уехал только на заработки. Однако, на основании моих исследований, я бы сказала, что финансовые проблемы не определяющие.

Нельзя создавать единый социальный портрет людей, которые уезжают в Сирию: есть и бедные и богатые, есть образованные и не образованные.

Эксперт Татьяна Дронзина провела исследование выезда завербованных из Казахстана для участия в боевых действиях, и показала, что не было безработных, к тому же у них не было неразрешимых финансовых проблем. Известен случай прошлого года, когда преподаватель из Казыгуртского района Казахстана, с хорошим образованием, оставив собственный дом и машину, вместе с женой и шестью детьми, поехал в Сирию.

Исследование по Киргизии показало похожие результаты. Как отмечает эксперт **Никита Мендкович**, проблемой является скорее ограничение «социальных лифтов» для этнических узбеков на юге страны, например в Ошской области. Дело не столько в глубоких финансовых проблемах, сколько в риске снижения уровня жизни и невозможности реализовать себя в родной среде.

Особенно для молодежи, отъезд в халифат, это еще возможность подтвердить свой социальный статус. Это касается особенно тех, кто из традиционного общества, как Дагестан, где по-прежнему важен возраст и происхождение, в то время как Исламское Государство обещает нивелировать все это: просто тем самым фактом, что ты приехал в халифат, твоя социальная значимость сильно повысится.

Говоря о **совокупности факторов**, которые могут объяснить, почему самые разные люди уезжают в халифат, стоит отдельно рассказать несколько слов о женщинах, которые часто уезжают из-за чувства невостребованности. Девушка, которая не вышла замуж в свое время. Те, кто по призыву своих мужей вынуждены ехать за ними. Те, которые хотят выйти замуж за боевиков, потому что сам факт что они являются их женами, повышает их социальный статус. Молодые девушки, обманутые боевиками через социальные сети. И просто те, кто хотят там работать, например, в качестве учительниц.

Насколько серьезна **опасность, исходящая от возможных «возвращенцев»**, побывавших в халифате? По данным прокуратуры в Россию вернулось уже свыше девятистот человек. Хотя Сирия и стала своего рода спасением для светского Северного Кавказа, забрав к себе самых опасных ваххабитов, сообщается в СМИ, что радикалы не теряют надежды вернуться домой, чтобы продолжить здесь джихад. Однако, пока кажется что силовые структуры достаточно оперативно нейтрализуют угрозу, причем значительное число исламистов гибнет в Сирии.

В то время как риск террористических актов, безусловно, существует всегда, вопрос о том, насколько вероятна более «системная» угроза со стороны «возвращенцев», нельзя рассматривать отдельно от внутренних обстоятельств в разных регионах, включая положение уже существующих на их территории радикальных структур. В связи с этим является интересным вопрос о том, может ли «Имарат Кавказ» представлять угрозу в долгосрочной перспективе.

Правозащитники отмечают, что фактор, который потенциально усугубляет опасность возвращенцев, это то, что **не существует механизма возвращения разочаровавшихся**, которые даже не участвовали в боевых действиях. Вопрос здесь о том, насколько

использование мягких мер в отношении возвращенцев, например адаптационная комиссия как она есть в Ингушетии, могло бы быть полезным шагом.

Но если говорить о действиях не в отношении тех, кто уже был в Сирии и вернулся, но тех, кто мог бы еще быть подвержен вербовке, какие же усилия предпринимаются? Духовным управлением мусульман в нескольких регионах были **приняты фетвы**, прямо запрещающие мусульманам участвовать в сирийских событиях. Однако подобные запреты могут рассматриваться как символические, и их эффективность вызывает сомнение.

Важным дальнейшим направлением работы с молодежью эксперты признают создание "мусульманских" досуговых центров и официальных мечетей, недостаток которых ощущают мусульмане в Москве. Часто, мусульманская молодежь, особенно из среды трудовых мигрантов, попадает в подпольные мечети и таким образом в сферу внимания радикальных проповедников.

Многие эксперты и считают, что необходимо **повышение уровня образования имамов** и обеспечение безопасности исламских богословов и религиозных деятелей, которые ведут борьбу с религиозным экстремизмом. В этой связи, начали проводить курсы повышения квалификации для имамов в разных регионах России.

Что касается **поправок в законодательстве**, в настоящий момент обсуждается предложение о создании специальных тюрем для боевиков ДАИШ. И Дума одобрила законопроект, согласно которому вводятся тюремные сроки за публичные призывы к экстремизму через интернет (даже репост/лайк провокационных записей). Что касается предложения о создании специальных тюрем, не понятно насколько это вероятно, но некоторые из моих собеседников считали, что такие меры не будут целенаправленными, поскольку понятие религиозного экстремизма в России такое широкое, что основная масса тех, кто туда попадут, не обязательно будут только те, кто воевали в Сирии.

Есть инициативы по более эффективному **пресечению пропаганды** в интернете. Генеральная Прокуратура предложила блокировать сайты экстремистского содержания в ускоренном порядке, не дожидаясь результатов экспертизы. Что касается мессенджеров, рассматривается новый законопроект, согласно которому обмен сообщениями должен происходить только между идентифицированными пользователями. Однако, такое предложение трудно реализовать.

Я уже говорила о том, насколько изощренной и многовекторной является пропаганда ДАИШ, которая таргетирована на разные аудитории. Таким образом, необходима и профессиональная разоблачительная контрпропаганда. Необходимо нацеливаться на аудиторию от 18 до примерно 28 лет. Важно создавать контрпропаганду таким образом, чтобы она пошла в массы, что молодежь стала интересоваться без каких то особенных призывов со стороны официальных структур. Есть интересное предложение, согласно которому контрпропаганда, особенно здесь в России, должна обратить больше внимания на то, что их уроженцы могут воевать друг с другом в Сирии, поскольку они воюют или в ДАИШ, или Джабхат ань-Нусра.

В конце концов, по мнению большинства экспертов, противостоять привлекательности ДАИШ в долгосрочной перспективе может только что-то на идейном уровне,

всеобъемлющая идеологическая альтернатива в общероссийском масштабе. И здесь возникает интересный вопрос: Может ли противостоять идеологии ДАИШ исключительно другая религиозная идеология? Или могло бы светское общество предложить конкурентоспособный проект?

Если подвести итоги, то попытаюсь понять, что движет уроженцами стран СНГ, уезжающими в Сирию, мы сталкиваемся со сложным, неоднородным портретом рекрута: Молодой мусульманин из Махачкалы, уроженец Таджикистана который работает в Москве, Узбек из Ошской области Кыргызстана, Чеченец из Панкисского ущелья, незамужняя женщина. Для всех этих людей, ключевые мотивирующие факторы могут быть специфическими: Борьба с неверными кяфирами. Строительство справедливого исламского государства. Защита мирного населения. Поиск социальной справедливости. Самореализация в обществе. Преодоление одиночества. Желание стать героем в глазах общественности. Боязнь правосудия на родине после возвращения.

Поскольку вербовщики хорошо понимают неоднородный характер их аудиторий, они используют разные дискурсы и методы с целью привлечь в их ряды. Ввиду такой комплексности, необходимо чтобы все усилия направленные на сопротивление этой пропаганде учитывали бы все нюансы и были бы такими же профессиональными, как и пропаганда со стороны тех, которые призывают наших соотечественников уехать в Халифат.